

Предисловие

Вторая книга стихов Романа Гурского – новый подарок читателю, изящный и щедрый. Автор остается верен поэтической сдержанности, которая нигде не переходит в эмоциональный напор, но сохраняет взыскательность и ясность тона. С такими стихами надежно и уютно. В них нет ни строки фальши, ни одного громкого слова. Поэт чужд социальной ангажированности, какой бы актуальной она ни казалась ревнителю гражданской линии в русской поэзии. Автора интересуют малые вещи жизни, не замечаемые с высоты духовных и общественных задач: «нырок и лысуха», трясогузка с хвостиком, галка «спросонья», смерть маленькой птицы. Ему не важно, какое тысячелетие на дворе, потому что «каждый день для летописи нов».

Книга во многом пастернаковская, но ее трудно назвать ученической. Преобладают не заимствования, а образно-ритмические параллели, которые автор лелеет и всячески подчеркивает. Он знает, что боязнь зависимости – это, как утверждал Бродский, «боязнь – и болезнь – дикаря, но не культуры, которая вся – преемственность, вся – эхо». Отсюда стилистическая избирательность словаря, где предпочтение отдано не разговорной речи, а интеллигентно-книжному языку с его «сонмом», «предместьем», «сутолокой», «цикадами».

Два слова о версификационной составляющей. В ней высок процент неклассического стиха (дольник), преодолевающего традиционность хорей и ямба. Есть в ритмическом репертуаре место и для трехсложников с их повествовательностью, и для оригинальных концевых созвучий (ощутимы приблизительная и неточная рифмы – наследие поэтики Серебряного века), и для разнообразия строфики. Длинный стих дополняется коротким, двух- и трехстопным, расширяя интонационный диапазон авторской дикции.

Книга лишена провинциальной топики с ее трафаретной семантикой: уездный город или деревня – место сохранения духовности, монастыри и храмы – воплощение русского Православия, великое прошлое Руси – источник исторической памяти и патриотизма. Подобная символика не приживается в стихах Романа Гурского. Он стремится не облечь идеи в слова, а словами передать образ мира. И этот образ выходит более одухотворенным и гармоничным, чем сама реальность. За это мы и любим поэзию: она превращает созвучия слов в осмысленные высказывания, то есть делает то, что призвано делать искусство – в нагромождении случайного видеть порядок и смысл.

С удовольствием представляю новую книгу Романа Гурского и надеюсь, что любители поэзии обратят на нее внимание.

А. Г. Степанов